

ПОРТРЕТ АКТЕРА

Рос. газ. — 1993. — 23 июля. — С. 8

ЗАГАДКА, УВОДЯЩАЯ К ДУШЕ

«Есть у каждого загадка, уводящая во тьму...» Эти слова Николая Гумилева всплывают в памяти, когда думаю о Всеволоде Ларионове — прославленном актере театра Ленком. В 1956 году он играл в фильме «Поэт», где прообразом одного из героев и был Гумилев, о чем в то время, естественно, молчали. Но даже не этот факт заставил меня вспомнить слова Гумилева.

За долгую жизнь в театре и кинематографе он не так уж много снимался и не всегда играл на сцене лишь главные роли, но слава его устойчива, а лицо узнаваемо, как будто о только вчера сыграл пятнадцатилетнего капитана или Званцова из картины «Улица полна неожиданностей».

Имя Всеволод с двумя грозными раскатистыми «о», оказывается, создано для нежной души человека впечатлительного, мягкого, страдающего, не без металлического блеска в глазах, но только по случаю Мама его звала Воккой — до сих пор так к нему многие и обращаются в театре. И я ревниво замечаю, что к Всеволоду Дмитриевичу тянет многих...

По возрасту Ларионов никак не отнесешь к патриархам отечественной сцены, сохраняющим традиции чуть ли не от Шелкина. Но этот актер — продолжатель и прямой наследник русского театра. То ли отдаленное родство чуть ли не с самим Львом Толстым и Бенкендорфом, то ли воспитанное с детства бабушкой и мамой чувство приобщенности к культуре то ли переживания за судьбу Отечества сформировали в нем какую-то особую память, в которой прошлое кажется его собственным?

Может быть, поэтому Ларионов так лично играет Дягилева в фильме Эмиля Лотяну «Анна Павлова». Конечно, он единственный актер, на лице которого лежит столь заметная печать высокой божьей, равной по значительности истинному аристократизму. Но его Дягилеву веришь и потому, что для Ларионова это человек, о котором на актерских посиделках он рассказывает так, как будто Дягилев только ему доверил эту деликатную историю.

Ларионов может рассказывать так о каждом — от Ломоносова до Сталина, от Барнета до Захарова. Они все — и ушедшие, и ныне здравствующие — живут в нем. Это повседневное житие, в котором рязанские мужики сосед-

ствуют с графьями, артисты — с политиками... Может, потому его актерский диапазон столь широк, что он играет хорошо знакомых, многократно описанных в его изустном творчестве людей.

Немец из «Ясновидящего» по «Братьям Лаутензакам» Лиона Фейхтвангера и еврей Лейзер из «Поминальной молитвы» Григория Горина одинаково дороги Ларионову и сделаны с огромным пониманием национальной природы, без шаржирования, без снисходительности, с любовью, не понять которую из зала невозможно. Поэтому его мягкий, обволакивающий голос постоянно переключают овации, из глаз многих падают слезы.

Конечно, это просто эффект сценического существования, достоинство мастерства. Ларионов — художник, а потому двойствен, и часть его загадки — это огромное количество сыгранных подлещов, жестких военных, вплоть до маршала Малиновского и работников аппарата ЦК самый заметный из которых в фильме Андрея Кончаловского «Сибиряда». Когда надо, Ларионов ухитряется быть необыкновенно вредным, как охотник из «Обыкновенного чуда» Евгения Шварца и Марка Захарова.

Всю жизнь Ларионов в Ленкоме, никогда из него не собиравшись уходить, сколько бы режиссеров при нем ни менялось и как бы они к нему

ни относились. Но только при Захарове началось для него то, что называется общим делом, соратничеством.

Общаясь с ним, понимаешь, как удобно актеру в этом театре, как уютно он себя чувствует в здании бывшего купеческого собрания, как хорошо выходить на эту сцену, пить с друзьями кофе в милом закулиском кафе и травить молодежи байки, за правдивость которых он всегда ручается.

Любовь к Ларионову лишена всякого потворства по профессиональной линии. К нему требовательны и режиссер, и товарищи, да и сам он требователен к себе. Легендарность нуждается в постоянной работе. О Ларионове написано незаслуженно мало, хотя его мастерство должно быть изучено особо. Может ли кто еще играть большие роли в фильмах «Петр I» и «Ближний круг» по-английски, в «Очах черных» по-итальянски, не зная языков? А сколько иностранных актеров говорили в фильмах голосом Ларионова — например, Ален Делон?

Прибавьте к этому еще телевидение и радиотеатр. Последнее — особый, необыкновенно трудный жанр актерского творчества, дающийся только тем, у кого уникальные голосовые данные позволяют достигать максимальной выразительности и узнаваемости. Работы Ларионова, особенно по Бунину и Довлатову, неза-

бываемы. О Бунине, например, уже, кажется, и нельзя сказать другим, «неларионовским» голосом.

В театре Ларионов больше всего любит работать с Захаровым, а вот в кино — с Михалковым. Закончил съемки в фильме о Чехове, а на столе лежит уже следующий сценарий...

Ларионов очень красив. Как это удается ему всю жизнь — тоже загадка. Сейчас он, может быть, единственный представитель редкого в современном театре амплуа — «благородный отец». Правда, талант его безудержно несет за рамки любого амплуа, и кажется, что Ларионову подвластно все, что требует мастерства: и роли, и рассказы о театре, и сама жизнь.

Есть ли в его жизни то, что не хочется вспоминать? Наверное, есть. Я ощущаю, как трудно на себе нести печать «детей своего времени», могу представить, насколько труднее быть «ровесником времени». Но пусть в любви к актеру безвозвратно растворится эта «ложка дегтя». Как там у Гумилева?

Все мы святые и воры
Из алтаря и острога,
Все мы смешные актеры
В театре Господа Бога.

Вадим МИХАЛЕВ,
доктор философии,
профессор.

На снимке: Всеволод Ларионов и Анна Каменкова.